

Три рассказа

Дура

Она была душой. Но молчаливой. На это ей ума хватало. Больше ни на что! Я говорил... Отчаянно умные вещи говорил! А она молчала. И словно морщилась. И если отвечала, то невпопад. Ну, совсем невпопад!

— Дура! — кричал я. — Ну почему ты такая дура?

А она молчала. И занималась своим делом — готовила мне еду.

Я ел и уходил. А она оставалась. По-моему, ей никогда не было скучно.

Я приходил, пропахший вином и дымом. А иногда и женщинами. Я приходил и вызывающе глядел на нее. А она молчала. Или спрашивала, не хочу ли я есть. Я отказывался. Не от сытости. От презрения.

— Дура! — думал я. — Какая же она дура!

Ночь разбрасывала тоску по углам, и фрагменты тоски лежали там, не шевелясь, напоминая брошенные вещи.

Она ложилась рядом со мной и ждала, положив руки за голову. Если я начинал ласкать ее, не сопротивлялась. Но не более.

По-моему, страсть ушла от нас первой. Впрочем, не помню. Не заметил...

Однажды меня не было несколько дней. Так получилось. Не удержался, а потом закружило. Даже позвонить забыл.

Возвращаясь, я злился, думая, как обзову ее душой, если она посмеет...

Но она ничего не сказала. Только отстранилась, когда я ночью полез к ней с нежностями. Ну и не надо! Можно больше поспать.

Когда я проснулся утром, ее рядом не было. Я не удивился. Она всегда вставала прежде меня. Я лежал и ждал, когда позовет завтракать. Не позвала.

Завтрака не было.

Ее тоже...

Я знал, где ее искать. Но не пошел. Еще чего не хватало!

А потом стало поздно...

А еще позднее я стал скучать. И еще мне стало казаться, что вижу ее идущей чуть впереди. И бросался вдогонку. Но это оказывалась не она.

Она ушла из моей жизни. Сама! Но не отпускала. Не отпускала!

Вот дура!

Я бродил по городу, расширяя душу о разговоры и сплетни.

Я пытался вышить клин клином, но только калечил-увечил, увечил-калечил себя.

Знакомые встречали ее. И говорили, что она так же молчалива. И одинока.

Одинока? Значит, одна!

Ну правильно, правильно! Кому она нужна?

Кроме меня...

И мне тоже, раз так, не...

Нет, нужна! Нужна!

И она пришла. И остановилась среди комнаты, глядя на меня. Молча!

— Дура! — закричал я.

И стал целовать ее колени.

Тоже, вроде, жизнь...

Мадам Фрумкина всегда была безобразна и свежа.

Она специально приезжала с улицы Косвенной, с Молдаванки, где жила, к нам на Жуковского, чтоб воспитывать внука — тихого еврея Подкаминера.

Подкаминер жил молча. Ни с кем из соседей не дружил и ходил в баню по четвергам.

У него имелась жена Зоя, старше лет на пятнадцать, и полосатая кошка Сибирь. Почему Сибирь? Никто не знал.

Втянув голову в плечи, пробегал Подкаминер утром и вечером по двору. Был он мал и неприятен.

А Зоя, наоборот, была душа-женщина. А душа иногда поет. Пела и Зоя, когда развешивала белье.

От ее пения дребезжали стекла, а у мадам Берсон начинал болеть живот. Тогда мадам Берсон выходила во двор и ругала Зою обидными словами.

Зоя прекращала петь и начинала говорить. Тоже обидные слова. И только для мадам Берсон.

Так что, мадам Берсон свирепо уважала Зою. А Зоя мадам Берсон.

Раз в два-три месяца Подкаминер напивался. Тогда он, шатаясь, приходил во двор и плакал тихо и мучительно. Потом переставал и шел бить Зою. Бил он ее слабо, но нудно. Зоя терпела. Она могла бы свалить его одной рукой, но терпела.

Побив, как ему сдавалось, Зою, Подкаминер засыпал.

Дождавшись его пробуждения, Зоя начинала собираться, чтоб уйти насовсем.

Подкаминер снова плакал, просил остаться и называл Заенькой. Когда и это не помогало, он шел звонить старому доктору Лившицу, жившему над мадам Фрумкиной.

Обзывая Подкаминера шлимазлом, Лившиц спускался на второй этаж.

— Мадам Фрумкина, — говорил он, — ох, мадам Фрумкина, зачем ваша Блюма тогда не сделала у меня аборт? Я бы по-соседски взял недорого, а вы бы не имели этот *исцьер хойшер*.

Мадам Фрумкина не отвечала. Она хватала ридикюль и палку и начала спешить. Как она добиралась аж с Молдаванки, не знал никто, но вскоре уже стояла посреди двора и ждала, говоря плохие слова Подкаминеру, за то, что он, женившись на *шиксе*, не может с ней справиться.

Ровно тогда выходила Зоя с чемоданом в одной руке и узлом в другой. Она молча садилась на чемодан и смотрела. За все время, что Зоя была замужем за Подкаминером, они с мадам Фрумкиной не сказали друг другу ни слова.

Потом мадам Фрумкина небожно била Подкаминера своей палкой. Когда, по ее мнению, было достаточно, она, опираясь на ту же палку, тяжело уходила со двора.

А Подкаминер брал у Зои узел, она сама хватала чемодан, и они шли домой.

— Что за жизнь? — ужасались соседи. — Как так можно жить?

В декабре 1941 года девятнадцатилетняя Блюма, успевшая овдоветь в августе, выбросила сына в толпу, глядящую, как евреев под конвоем ведут на погибель в Доманёвку. Так делали многие матери, положив в пеленки все ценное, что у них было, и документы. Иногда, обшарив пеленки, детей выбрасывали обратно.

Наверное, Подкаминеру повезло. Его в тот день поймала Зоя.

Впрочем, кто знает?..

Он и она

Он проснулся от едва слышного звяканья посуды. Стало быть, она уже завтракает. Можно бы встать, поздороваться, тем более и мочевого пузырь уже на пределе. Но он, как обычно, стал дожидаться ее ухода. Страдая, между прочим.

Ждать недолго, минут пятнадцать. Проверено не раз и не два. Вот

хлопнула входная дверь. Полежав еще минуту-другую, он, наконец, встает и мчится навесить удобства. Занятием типа чистки зубов или ежедневного бритья он уже себя не утруждает. Зачем? Для кого? Никуда идти не надо. То, что нужно это делать для себя, давно выброшено из головы.

В кухне идеальный порядок. Он на всякий случай заглядывает в холодильник. Продукты имеются, но никакой специально для него приготовленной еды нет. Он лениво и привычно вспоминает, что когда-то она перед уходом готовила ему бутерброды и любовно укладывала на плоскую тарелку. Оставалось поставить их на пару минут в микроволновку и завтракать горяченьким. И когда, интересно, это в последний раз было? Он на мгновение застывает, пытаясь вспомнить. Не вспоминается. Да и к чему?

Есть не хочется. Курить тоже. Он возвращается в свою комнату и снова ложится. Впереди длинный день, и надо его как-то убить.

Часам к двенадцати он просыпается снова. Лежит, закинув руки за голову, и лениво размышляет. Потом идет к холодильнику, выуживает масло и колбасу. Ест он машинально. Потом небрежно стряхивает крошки на пол.

До того момента, когда она вернется с работы, времени еще уйма. Чем бы заняться? На улицу он практически не выходит. Что там делать? Ни друзей, ни интересов. Вышли все... Пойти в магазин за продуктами? Но он и забыл, как это делается. Она этим занимается. Даже сигареты она ему покупает. Его дело выложить пустой блок в прихожей. А после работы она приносит полный. И кладет там же. Молча. Ну и пусть. Пойти просто погулять? Но зима, снег, холодно, наверное. Да и пустое это занятие.

— И денег нет! — вдруг приходит в голову. Хотя... Он открывает шкаф, шарит под бельем на верхней полке. Есть, есть какие-то бумажки. Ну и что? Сам он денег в дом давно не приносит. К чему? И откуда их взять? Тем более, она зарабатывает прилично. Им хватает. Им... Он давно уже числил ее отдельно и себя отдельно. Любовь? Наверное, она когда-то была. Наверное... Вспомнилось, что это именно она настояла на том, чтоб бросить постылую работу.

— Она меня до сих пор любит! — мелькает неуверенная мысль. И пропадает. Потому как он знает, что это не так. Любят все-таки хоть за что-то. А его-то за что? За то, что трахает ее, когда ему — не ей! — приспичит? Трахает... Когда последний раз это было? И опять не вспоминается...

Встречаются они редко, умудряясь как-то не пересекаться в сравнительно небольшой квартирке.

Что же их держит вместе?

Ну, во-первых, ему некуда идти. Своего жилья нет и не было. А во-вторых, на что он будет жить? Попробуй, устройся на работу, пробездельничав лет пять... Нет, пожалуй, все шесть! Да и неохота. Так лучше.

Он добывает из пачки сигарету, закуривает. Считается, что курение его успокаивает. От чего? Неважно. Успокаивает и все! Так что, курение в данном конкретном случае даже полезно.

Перебравшись в гостиную, он включает телевизор и лениво листает программы. Ничего интересного. Хотя... Надо же, судят шайку, травившую людей клофелином. Это лекарство такое от давления. Он видел, как она его принимает. Надо же, стоит высыпать несколько таблеток в водку, как человек тут же вырубается. Бывает, что и навсегда... Жаль, застал самый конец передачи. Он выключает телевизор и скучно смотрит перед собой.

Вдруг приходит что-то, похожее на одиночество.

Новости! Этого еще не хватало! Все хорошо, все хорошо... Что хорошего? Живет с женщиной, которую когда-то, наверное, любил. А сейчас? И он горько усмехается.

И опять, опять. Любит ли она его? Когда-то любила... Точно! Прощала все. Терпела. И — вот! — спрашивала всегда, что приготовить, купить повкусней. А он капризничал... Как-то постепенно все изменилось. Какая разница? Его устраивает!

— А ее? — подумал он впервые и испугался. Вот возьмет и выгонит на мороз да снег.

— Нет, не сможет! — улыбнулся он. — Посовестится. Знает, что мне некуда идти... И еще она меня любит! Любит? — ох, он знал, что это не так. — Любила... — поправил он себя. Почему-то стало обидно. А потом даже больно.

— И ничего не вернуть!

Что вернуть, что вообще надо возвращать, он еще не понимал.

Потом он пошел к себе в комнату и снова лег. В комнате было неубрано. Сам он давно не убирал, а она сюда даже не заглядывала. Прежде тут был его кабинет, а жили они вместе в другой, той, где она спит сейчас. Потом как-то разбежались...

Вдруг, именно вдруг, потому что это бывало крайне-крайне редко, раздался звонок в дверь. Вспомнив, что не одет, он накинул халат и, завязывая пояс, направился в прихожую. Прежде чем открыть, конечно, глянул в глазок. На площадке топтался ее брат.

Он удивленно открыл дверь. Ее брат не приходил к ним давным-давно, и вообще его не одобрял. Брат прошел в комнату, сел за стол и достал из сумки, которую всегда носил через плечо, какие-то бумаги. Помолчали...

— У меня полгода назад теща умерла! — вдруг сказал ее брат.

— Ну и что? — удивился он. Не хватало еще вникать в семейные дела чужого человека.

— После нее комната осталась. Далековато, но самостоятельная. В общем, жить вполне можно!

— Ну и что? — опять спросил он.

— А то, — разозлился ее брат, — что, вступив в наследство, мы решили отдать ее тебе! Живи!

— Мне и тут неплохо! — хотел сказать он, но осекся и вместо этого спросил: — Она знает?

— Она сама об этом просила! Да-да! Просила! — торжествующе сказал ее брат. — Вот адрес, — брат показал на какую-то бумажку, — вот ключи, а вот все остальные документы.

Потом ее брат ушел.

А он стал метаться из угла в угол, что-то проговаривая. Сперва это были ругательства, потом жалобы, потом...

Придя с работы, она сразу прошла к себе в комнату.

Чуть помешкав, он ринулся за ней. Она оказалась в трусиках и лифчике. Наверное, переодевалась в домашнее. Увидев его, она даже не сделала попытки прикрыться, а так и стояла, словно среди мебели.

— Твой брат был! — сказал он.

— Я знаю!

— И ты одобряешь все это?

— Конечно! Иначе бы ты никогда отсюда не ушел!

— А как же...

— Хочешь, я дам тебе денег? Только уходи! Уходи! — глаза ее наполнились слезами.

И вдруг...

Сам не понимая, что делает, он набросился на нее. Сорвал трусики, повалил на постель.

— Ты! Моя! Жена! — задышался он, входя все глубже и глубже...

Она лежала спокойно и отстраненно. Словно терпела что-то необходимое, но неприятное, после которого должно стать легче.

— Я люблю тебя! — выдохнул он, окончательно освобождаясь.

На ее лице появилась ненависть. Она даже хотела ударить его, но не смогла.

— Прочь! — прошептала она спекшимися губами.

Он не помнил, как выскочил из ее комнаты, как оделся. Уже в коридоре он пошарил по карманам и с удивлением обнаружил там какие-то деньги.

— На бутылку хватит! — подумал он и понял, что будет дальше.

Он вернулся в кухню, открыл аптечку, нашарил облатку клофелина.

Потом вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На улице слегка темнело и сильно мело. Ему сразу стало холодно и неудобно. Ближайший магазин был в двух шагах. И на бутылку водки действительно хватило.

До парка было недалеко. Он вошел в распахнутые ворота и пошел вглубь. Потом повернул с центральной аллеи на тропинку, которая только угадывалась под слоем снега. Тропинка привела его к скамейке под кустом, нынче голым, а летом всегда зараставшим листьями сирени.

— Тут мы впервые... — подумал он и сел на скамейку, слегка стяхнув с нее снег.

Пробирало.

— Сейчас согреюсь! — усмехнулся он. Потом, выковыряв таблетки из облатки, закинул все десять штук в рот. И начал запивать водкой. Загустевшая на морозе водка шла неохотно, но он заставил себя допить до конца. Потом закусил снежком.

Скамейку, на которой он сидел, стало плавно покачивать.

— А меня ведь нескоро найдут! — пришла идиотская мысль. А потом еще одна: — Неужели она не пожалеет? — но эта мысль уже была последней. Совсем последней.

